

Летом 1941 г. из Ленинграда была начата эвакуация детей Ярославскую и Ленинградскую область. Об эвакуации детей летом 1941 г. сохранилось большое количество воспоминаний педагогов, которые были эвакуированы вместе с детьми. Одним из таких документов являются воспоминания ленинградского педагога, Александры Михайловны Богдановой (Смирновой). Вместе с детьми рабочих и служащих фабрики им. Тельмана она была летом 1941 г. эвакуирована на станцию Боровенка Ленинградской области (ныне Новгородской области). В воспоминаниях сохранились сведения о пребывании в эвакуации детей и о возвращении их (резэвакуации) летом 1941 г. в Ленинград.

Автобиография.

Я, Богданова (Вил'никова)
Александра Михайловна, родилась
в 1922 году, 2 марта в Нюхнене
Угличского Красноярского края.

С 1932 года с родителями жила
в Ленинграде, на ул. Ватутина, д. 5, кв. 50.
В 1940 году закончила 23-ю сред-
нюю школу г. Ленинграда.

В 1941 году закончила 2-ю ленин-
градскую педагогическую школу.

В 41 году в июне-августе приняла
участие в эвакуации детей из Ленинграда
в Новороссийскую область в качестве воспит-
тельницы дошкольного детского дома колони-
зации им. Тельмана. Около двух недель
жила в Горьковске. и вернулась назад
в Ленинград.

В августе 41 года работала в распреде-
лителе Ленингорского.

19 августа 41 года выехала в Сибирь

1

на работу по путевке Наркомпроса.
С 1941 года по 1946 год жила и работала
в Канске в школах города Канска
Красноярского края.

В Ленинград не вернулась.

Была замучена за офицера Сов. Армии
Мухомовым в Горно-Угличском, Угличском,
Бийском, Тиминском.

Я закончила в Угличском Учительский
институт. В Бийске закончила
Педагогический институт.

Работала в школах учителем,
заместителем, в Горно-Угличском инеко-
ном, директором средней школы.
Сейчас живу в Москве с семьей
сына. Бессмертная.

24 окт. 2001 г.

г. Москва.

А. М. Богданова.

Из биографии
Смирновой
Александры.

Родилась в 1922 году.
Закончила 23-ю среднюю школу
Смолянского р-на гор. Ленинграда
в 1940 году.
Закончила 2^е Ленинградское педаго-
гическое училище
в 1941 году.
Накуривалась с дошкольными детками
домом от комбината им. Тельмана
июль-август 1941 года.
Выезд на работу в Выборг по путевке
Наркомпроса 19 августа 1941 года.

Второй месяц войны 1941 года.

Ленинград -
Боровенка -
Ленинград.

У меня есть моя война.
У меня есть моя правда.
Я хочу рассказать о моей правде
и о моей войне 1941 года.

I.

Моя война началась зимой 1940
года в Ленинграде. Ленинград был за-
темнен. Моя финская война. Мой
отец Егоренков Михаил Александр-
ович, электрик комбината им.
С. М. Кирова, добровольно ушел на
войну. Так в наш дом, на улицу
Слуцкого, д. 5, к. 50, пришла война.
Мой отец погиб безжалостно Марше
1940 года. Подорвался на mine. Охне

дошел до мира два дня.

В 40-м году я закончила 23-ю среднюю школу Смольнинского района. У меня было желание учиться дальше.

Взяла попытку поступить в педагогический институт им. Герцена на географический факультет. Писала заявление на тему "Естественная характеристика Онежья и Теторины". Сдала второй экзамен по географии.

В эти дни вышло Постановление правительства о введении платы за обучение в высших учебных заведениях. Плата по тем временам высокая. Первое Постановление было на стоящее безделье многогородных абитуриентов из Ленинграда. Выходило сдать экзамены те, кто мог платить за учебу. Я документ из института взяла.

2-е Ленинградское педагогическое училище, которое в то время находи-

лось на улице Некрасова, объявило набор учащихся на девятилетние курсы на базе девятилетки. Обучение бесплатное, с обеспечением стипендии.

С 1-го сентября 1940 года я стала учиться в педагогиче. Училась с удовольствием. Радовалась, что через девять месяцев у меня будет специальность и работа. Год прошел быстро.

18-го июня я сдавала последний экзамен по педагогике. 19-го июня начали выдавать аттестаты. Без направления на работу. Было сказано, что мы все поступаем в районные Ленинград. Он будет заниматься нашей трудоустройством. А потому надо ждать.

II.

22-го июня 1941 года началась война. Что началась война, я узнала в 12 часов дня. Хорошо помню первый день войны.

Первое: отомбление, растерян-
ность, страх, безвыходность. Второе:
протекание военной жизни, расквар-
тированную на улице Воиновых (на-
ша 83-я школа находилась на Крас-
ной Коннице за военной частью), на
фронте. Мы все, кто был из нашего
класса, у военной части, еще не
знали, что произойдет ит. далее,
можем быть, но вперед. Кто-то
из наших ребят был завидовал.

А потом раздумье: что делать?
Первые дни войны — неопределенность.
Что будет? Что делать? Где мое
место? Что решить? Идти в военка-
мат и проситься на фронт? Или
ждать, как решил Ленинград.

Газеты и радио сообщали об от-
ступлении наших войск, о некоторых
боях на фронтах, о сдаче наших
городов и населенных пунктов.

Паника, отчаяние и тоска.

Все же живем в эти дни рядом.

3^е июля Сталин обратился
к народу с посланием. Известная
правда была сказана впервые. Его
слова: «Враг будет разбит, победа
будет за нами» — стала боевым ло-
зунгом для советского народа, велики
были в победу над врагом.

Ленинград стал готовиться к обо-
роне. Введена была трудовая повинность.
Каждый ленинградец должен был
отработать несколько дней на ры-
тье окопов, прокаточных работ,
на маскировке памятников, вичаль-
ного.

Сотни ленинградцев ежедневно
выходили на работу в Смольный.
Смольный засыпал песок. По Неве
на баржах везли песок. Потом пе-
сок с барж на транспортерах по-
давали на территорию Смольного.
Народ, окруженный лопатами, пере-

брасывал песок туда, где он должен был лежать. Сверху на песчаную гору вокруг здания натягивали сети, связанные из канатов, с нащипанными пестыками и зелеными пятнами в форме курчов и деревьев.

С птичьего полета на месте Смольного был лес, непроходимый Кустарник.

Многие здания готовились под военную.

В шале находились звонящее фабрик, заводов, детских учреждений.

Во средине шале в магазин была еще свободная продажа хлеба и продовольствия. Но с каждым днем продуктов в магазинах становилось меньше, падали цены.

18го июля Правительством СССР вводит карточную систему на хлеб и другие продукты.

Был приказ Правительства едаже,

по квартирам, ламповые приемники для нужд Красной Армии. Массовое пользование только центрального радиоприема, газетой, в основном, "Ленинградской правдой".

Проводилась массовая мобилизация по возрасту. В военкоматах стояли гражданские округа добровольцев. Особенно большие округа были из выпускников средних школ 40-41 учебных годов и студентов.

Ночное ленинградское небо было в тревогах. Угасли маленькие фаншестековой авиации на горизонт, угасли сигналы воздушной тревоги, угасли зенитных орудий.

III.

Чтобы преградить путь для фашистских войск на Ленинград, строили Лужеский оборонительный рубеж.

Жители Ленинграда, в основном пенсионеры, мобилизовывались и отправлялись на строительство рубежа.

На уровне Гравинштейна, с ним решались вопросы, что делать с детьми школьного и дошкольного возрастов. И было принято решение: организовать вывозить детей из Ленинграда без родителей в ширь страны.

Стали вывозить школы, детские сады, детские дома.

Группы детей без родителей была посылена на восток Гравинштейна вивекло уровне. Там созданы комитеты из ответственных партийных лиц, которые решали вопросы, как вывозить детей, куда вывозить, на чем вывозить, как и чем кормить детей и в пути, и первые дни на месте пребывания.

Вот тогда-то отсюда кадров Ленинградского вояки о вывозниках

2го Ленинградского педагогического, в том числе и обо мне - Евгений Александрович Михайлов, 1938 года рождения.

IV.

Комбинат им. Ф. Тельмана (Октябрьская набережная, дом 5) эвакуировал своих детей, нас девять человек, от трех до семи лет.

Партийная и профсоюзные организации сделали все, что нужно было сделать для отъезда детей.

Назначены были заведующая детскими домами и один из военкоматов на старшую группу. Проектанта на младшую группу не было на то время.

Был назначен день и час отъезда детей из Ленинграда. (Июль - мало не сохраняла память.)

На товарной станции стоял
агрегат, составленный из товарных
вагонов. В вагоны были оборудо-
ваны корзины, ведрами, водой, те-
плыми пеленками, грелками.

Для каждого детского дома или шко-
лы были отведены один-два вагона,
по количеству детей.

В специальном порядке Ленгорбю
решал вопрос о воспитателе для
детского дома комбината им. Мухоморова.

Меня срочно нарочным вызвали
в отдел кадров Ленгорбю.

Волго не разговаривая, вручила при-
каз о моем назначении воспитателем
в дошкольный детский дом, дали адрес
комбината и назвали час отправки
детей. Раздумывая или аргументов не
посылало. Превращение было чудом для
Войны! Мне объяснили, что это мой
передний край.

Времена на сборы не было. Собра-
лась кое-как, как на дачу на лето.

Волга мне не могла толком
объяснить, куда еду, с кем еду, зачем
еду, когда вернусь? Да и вернусь ли
вообще. Я только точно знала, что
я еду, должна ехать, и обратно у меня
нет.

На трамвае я добралась до
комбината. Первая картина запом-
нилась на всю жизнь.

Ворота комбината распахнуты
настежь. На дворе много народа:
женщины всех возрастов, мужчины и
дети. Запомнилась на всю жизнь та-
кая картина: зарывание лица передних
детей на руках у матерей, красные
распухшие лица от слез женщин. И
скупка. Кто-то куда-то шел, бе-
жал, шептал, звал. Что здесь про-
исходило, понять было трудно. И
голоса, голоса, общий шум.

Здесь все школы для автобусов.

Здесь же одноэтажное деревянное здание, с несколькими входами. Никто не знает людей. Входят и выходят из здания, с бумагами, озабоченные, нервные, раскрасневшиеся люди.

Мне указали на это здание, где я могу увидеть начальника.

Я когда-то из выходящих из помещения сказала, кто я, подала приказ. Он проверил глазами написанное и повел меня по коридору в комнату, где мужчина громко с кем-то говорил по телефону, что-то доказывал.

Сопровождающий меня мужчина сказал, кто я, и подал мне бумагу с приказом. Полностью слова мужчины! Наконец-то! Теперь можно ехать!

Он представил мне подосевшей лиловидной женщине средних лет. Она назвалась и сказала, что у меня будет младшая группа детей от трех до пяти лет.

Спешка, суета продолжалась. Мы говорили тихо, спрашивали тихо, срываясь до крика. Я смотрела на все это, ничего не понимая. Мне никто не пытался ничего объяснить. Мне казалось, что про меня даже забыли. Но потом меня успокоили.

Мужчина и женщина, идя со мной к автобусу, у которого толпились родители с детьми. Большие дети держали своих детей на руках.

Дети были нарядные, все самое лучшее, новое, они были потные, чистые, притихшие. Им так хотелось домой. Матери не лучше выжидали своих детей. Лица их были красивые, потные, опухшие от слез.

Подходящих к автобусу родители обступали, что-то спрашивали. Меня представляли родителям. Мне показалось, я почувствовала, что родители меня серьезно не восприняли. Девочка с косами и воспитанница из дачей! Не серьезно! Но это было непонятно. Мне тоже было все, что происходило с ними, в их душах, не понятно. Вернее, мне было страшно. За детей впервые, которых я вижу первый раз, за которых должна отвечать. Мне в горло предуготовили: за гибель ребенка — тюрьма.

Стали размещать детей в автобусе по местам. Мамы входили с ребенком в автобус, садили на место, целовали и выходили. Когда все дети было на месте, заведующая впустила мне список детей. Она ушла. Дверь автобуса закрылась. Я одна на один осталась с детьми.

10
Список у меня в руках, но кто из них Тана, Вите, Ира, я не знаю. Они все для меня на одно лицо, все они плачут, тиснут ручки к окну. Там за окном автобуса стояла мама, бабушка. Они плачут тоже. Дети вскакивали в мешок сдох и бежали к двери автобуса. Все в один голос кричали: „Мама!.. Хочу к маме!.. Хочу маму!..“

Я знаю: должна их успокоить, но как? Кто из них Тана, Мама!

Я для них в это мгновение была чужая тетя, плохая мама, которая отняла каждого из них от мамы, независимо зачем позволял здесь и забрала их.

Потом, если честно, никто не понимал: зачем все это делается. А делается потому, что если Постановление правительства, его надо выполнять.

Кто-то придумал „бирочку“ и
все её и, наверно, был отнесен, полу-
чим посылку.

На шее ребенка, вместе нательного
крестика, была надетая бирочка.
Это шнурок с привязанной двойной
половой кисточкой. На внутренней
стороне кисточки были вписаны имена,
дедочки ребенка. Память моя не
воображает, что ещё было там впи-
сано, кроме имен и фамилий.

Мне для меня эта „бирочка“
была ежедневным страхом и волне-
нием. Вдруг малышу захотелось сор-
вать этот шнурок и бросить его. Он
ему мешал. А имени своего точно и
твордо не помнит. Что тогда мне
делать? Я по „бироке“ узнаю имена
и фамилии детей.

V.

Последние минуты перед отходом
автобусов казались вечностью.

Вокруг автобуса еженощно стояли
родители, шуршающие. Каждый из них
через стёкло автобуса что-то говорил
своему ребенку. Дети, слыша голоса своих
мама, тянулись к стёклу, прижимая ли-
цан к стёклу, плакали.

Детский плач и слова: „Холудавоо!..
Почу к маме!..“ — звенели у меня в ушах.

Кто-то из детей спускает с
сиденья, кто-то вскакивает со своего
места и бежит к выходу.

Я беспомощна. Я не знаю, что де-
лать. Мне хотелось плакать, бегать.

Но двери автобуса закрыты. Одна
мысль билась в голове: „Вскоре вы мы
отправимся!.. вскоре вы!..“

Я с детьми одна в замкнутом про-
странстве; девочка с куклами. Только

не хватало бантиков. Какая из
меня воспитательница?! А у ребенка,
высшего имени, барочка на шее.

Два наших автобуса с детьми
выехали из ворот комбината. Путь
наш был к товарной станции, меж-
ной дороги. Но какие улицы города
мы ехали, не видали и не запомнили.

Когда мы подъехали к станцию,
попытки ходить или погрузке. Наш
вагон был в середине станциона.

Человек родителей сумел приехать
к станциону раньше нас и встретил
наши автобусы. Это была большая
для нас помощь. Без помощи роди-
телей наш бы трудю было дойти
до нашего вагона.

Было очень много народу.
В этот час будто все Ленинград
хлынуло прокатывать, прокатывая
со своими детьми. Было какое-то

зловещее зрелище. Будто лоп-лом
наступили конец света.

Через эту людскую лавину мы,
высшие с родителями, кое-как добра-
лись до нашего вагона.

Наш вагон был оборудован нара-
ми в два этажа. На первом этаже
пешеходы, личные вещи детей. Это все
было сделано родителями заранее. В
автобусах была только детей. В
вагоне было и ведра, и тазы, и веда,
и печка с дровами. И запас
продуктов, куренная и варенная посуда.

А вверху — три заведующие и
два воспитателя. С нами не было ни
кого, ни обслуги. Урезанный штат
военного времени.

Родители помогли нам распре-
делить детей по местам, раздать ма-
лышей и уложить на постели. Стар-
шие дети толпились у дверей, они по-
тендились евоки родителей.

А все отеначи вагонов пудем
перрра на все голоса. Кто-то кого-то
просит писано, кто-то кому-то
наказывает слушаюся военнотаманого
и не отеначе они поезда, кто-то
кого-то просит запомните Ленинград
ский адрес и не потеряйтесь, кто-то
кого-то просит полнитесь шаша,
драматическую пани, маму, полнитесь этого
драматическую, чине. Полнитесь... полнитесь...
полнитесь....

Когда был дан сигнал к отправле-
нию отенача, толпа толпа дрог-
нула, залудила с башней симою, за-
кричала на все голоса и бросилась
к вагонам. Дети из вагонов отвеначи
крикали и влезали.

Вагоны дрогнули и медленно пона-
чали вперед. Толпа заваловалась, сорва-
лась с места и двинулась по ходу
движения вагонов. Вагоны набирали
скорость, толпа с криком набирала

скорость, бежала за вагонами, кри-
чала.

Отеначи бились за пределы отеначи,
а крики, призывания толпы все еще
неслись эхом за отеначом следом.

Отеначи из Ленинграда ушли в ночь,
если Ленинградскую ночь можно назы-
вать ночью.

Дети нашего вагона скоро уехали.

Мы, чинилые, измотанные за эти
несколько часов, поняли по-настоящему-
му только сейчас, какая ответ-
ственность лежала на наших плечах,
что нас ожидает и что нам пред-
стоит сделать.

Была ли растерянность? Конечно,
была, да еще какая растерянность!

Была ли у меня широк? Да! да
еще какой широк! Отчаяние! Делать
то я дальше по шинам не знала. Только

„бирочки“ на шее ребенка. А если потеряется эта заоблачная „бирочка“? Что я тогда буду делать?

А вранья на растерянное, испуганное, раздурное не было. Надо было делать дело, которое мне поручено.

Обеим мальчикам в те дни распорядилось так, что вранья у нас не разговаривало между собой не было. В потопу памяти моя не сохранила те дорогие мне образы моих спутников по детективной дороге. Был низкий поклон и признательность.

VI.

Эшелон шел по Новороссийской железной дороге. Эшелон наш пропущено на станцию, но подругу держали на перегонках. Много нас шли поездом на Москву и обратно.

На зорьке мы стояли долго на перроне. Вдоль железнодорожного полотна рос кушторник, за ним — луг с разнотравьем. Дети по вагонам спали. Только единицы из вторых детей сменялись сбегать в кушетки.

Внезапно утреннее тишину нарушила нарастающая гул самолето-тов. „Кемфы!“ крикнули.

Тут нарастал. Самолеты двинулись в нашу сторону, на эшелон. В какое-то мгновение машина схватила те вагоны.

Дети с криком, плачем стали выкрикивать из вагонов, бежать в кушетки, в пале, ешелоны прижимались к земле. Только чтобы выжить. Но стреляло. Было нелегко. В какие-то секунды вагоны опустели. А наши мальчики

СПАМ.

А мы, взрослые стояли в дверях вагонов и теребили своей ухваткой, влезая в самолеты.

Вот самолеты рядом с аэропортом,
над аэропортом, за аэропортом. Потом
сделали круг и — улетели... Потом
не бабблели? Не было снарядов? Потом
летели? Развешенные самолеты за уд-
ично человеком гонимые по полету, кто-
бы убил его. А здесь столько чужих
аэропортов с людьми? Кто-то был
очень скандальный среди нас! Могли
быть, могли мамми?

Это было первое наше крикание.

... Из своих укрытий, когда прошли
первый страх, стали возвращаться к
столу вагона дача и взрывы.

Матросы аэропорта подходили к
вагону, уточняя, все ли на месте.
Подходили и к нашему вагону. Кто-то
из нас, дружная заведующая, сказала, что
дети есть. Кто-то из работников
дающих начальничка аэропорта возмущенно
сироты: „А если бы убивали?“ Кто-то

из них не отвечали!.. Но не бабблели
мы! Общались все!“

Тогда только, после их ухода, до ме-
ня дошло, что, если бы самолеты начали
блуждать, мы бы пошлось в первую очередь.

И мы, хорошо молни, развешенные.
Ревели от бесценности и обреченности.

Но мы знали было много. Главную
слова нашей заведующей: „Надо быть
нам сильными! Нам еще не то еще
есть!“ И она была права. Она была стар-
ше нас и много знала.

Утром и днем мы ждали по Нов-
городской земле. Из всех населенных
пунктов, где мы перемещались, в
заполненные три: Малая Вишера, Горо-
вентка, Окуловка.

Первая продолжительная остановка
была в Малой Вишере.

Часть больших детей школьного воз-

раста выгрузились на этой станции.

Часть детей сошла в Боровенке. Ашелон из Боровенки проследовал в Окруловку. Дети на станциях выходили из вагонов. Их, видимо, уже много ветриками. Они быстро покидали станцию. Как бы растворялись: сейчас было и уже нет их.

В Окруловке ашелон выгрузился весь, кроме нашего вагона.

Заведующая нашим, первичная, была по катальскому, требовала решения вопроса о нашем детском доме. Конечно, этот вопрос решался. Но, видимо, никто из местных катальских не хотел брать малышей. Главная ответственность.

Во второй половине дня, под вечер, нас ашелон двинулся в обратный путь из Окруловки в Боровенку.

В Боровенке ашелон остановился.

Нас ветриками. К вагону ехали женщины, молодые и старые, мужики ехали на подводах. Лица женщин были светлые, открытые.

Ветрика была трогательной. Она вежливо, с любовью улыбалась на руки малышей, которых мы переносили из вагонов, прижимала их к себе, целовала, говорила им ласковые слова, как мамы.

Вещи из вагонов выгружались сразу на подводы. Когда вагон был освобожден, ашелон отошел от станции на запасный путь. А народ ехал к станции, к стоящим женщинам с детьми.

Весь было интересно наблюдать на маленьких детей, Ленинградцев, удивляться, поговаривать, поглаживать. И, конечно, там-нибудь ночью.

Наш, детский дом, приготовили здание железнодорожной начальной

школы, которая стояла напро-
тив железнодорожной станции.

Чувствовалось по всему, что нас
ждали и готовились. В внешнем
порядке классные комнаты были
выбелены, полы, окна вымыты. Также
чистотой и известью. На школьной
дворе летала всякая дряхлая
мелюзга. Были слышны крива-
ты. Одни школы, комнаты были
готовы к приему детей. Входы и вы-
ходы. Мешковые мешочки помогли нам
вспомнить. Что мы бы делали без них!

Дети с их помощью были учас-
ты, переодеты, накормлены и уложе-
ны спать.

Я побирался умирать и меня
и дрессировали детей, боялись, что кто-
нибудь из них сорвет с себя и выбро-
сит эту драгоценную бирочку.

Страх потерять кого-нибудь
из детей меня преодолел. Я все

время детей переживала.

Первую ночь дети спали мно-
го на полу мешке. Не могли
спать на соломе и на чужой кро-
вати. Крутились, метались, звали
мать. Кто-то из детей хныкал,
кто-то тихо плакал, как бы про
себя. Кто-то просил пить, кто-
то плакать, какать. А кому-то
хотелось, чтобы его погладили, сна-
ли несли.

Всего было много малышей - все
разные, все домашние, избалованные
всем домашними.

Моя кровать стояла здесь же.
Так хотелось спать. Вторая
ночь без сна. Борьба со сном -
это самое страшное наказание.
Борьба не поражение.

VII.

Станция наша своей характерной военной пещью. Приходящие и отправляющиеся поезда, галоп джентльмена, сигналы воздушной тревоги, отбой воздушной тревоги. Репродуктор на станции работает кружком сутки: то сводка от Совинформбюро, то песни, то музыка, то проверка времени. Если бы даже очень хотелось учиться, не ученишь. Жизнь у вокзала надо было привыкнуть.

Утром у входа в школу стояли бидоны с молоком, привезенный из колхоза.

Когда не было особой воздушной тревоги, мы уже знали, что франшизные самолеты или бомбить объекты.

Будет ли отдельным объектом Боровенка? Это имели место в голове постоянно.

И однажды ночью пещи не пролетели мимо Боровенки. Очень близко, почти рядом, раздался оглушительный взрыв. Наше двухэтажное деревянное здание качнулось. Дети проснулись, закричали.

Старшие дети, пещи на втором этаже, качнулось к филоду, они ли качивались вниз по лестнице.

Второго взрыва не было. Через несколько минут последовал отбой воздушной тревоги.

Когда все и все успокоилось, дети разнеслись спать на полу в коридоре, у лестницы, у входа.

Дождливый день, наша заведующая пришла на станцию узнать, что франшизные бомбили и как далеко они близко от станции и нашего дома.

Вспомнившись, она сказала, что недалеко от станции есть небольшая речка и через нее железнодорожный мост.

Вот его-то драммы и балеты
уже не в первый раз.

"А мы восстанавляли, - сказал
дежурный танцор, - мы уже привыкли".

С этого дня наша заведующая,
опасаясь за жизнь детей, обвине по-
роч местного партийного начальства
в извращении, а потом в требовании
увести наших детей из Боровенки и
определить нам постоянное место жи-
тельства.

Партийное начальство тоже лама-
ло голову, что делать с малышами, куда
их перевозить. Их тоже играли
дальнейшая судьба детей. Для малышей
теперь не было никаких условий. Была
только крыша.

Мы уже тогда поняли, что наши
детский дом никто не брал. Для на-
ших детей нужны были почти домаш-
ние условия. Дети все же дети. Им
нужна любовь, нежность, ласка, тепло,

уют, санитарные условия. Им нужна
была мама.

Потому никто не хотел брать
на себя ответственность за судьбу
50-ти малышей.

Дети привыкали ко мне. Я привы-
кала к ним. Я уже почти не пользова-
лась бородками. Но снимать бородки
не разрешала. Была не уверена в своей
памяти на имена. Постоянно повто-
рила их имена и фамилии и читала
их по именам.

Каждый ребенок от меня получил
какую-то часть тепла, но заменить
матерью я не могла. Хотя я одновременно
была для них и няней, и мамой, и ба-
бушкой и была все 24 часа с ними
неразлучно, забывал себя. Я понимала,
что для них я все: и дом, и защита, и
забота.

Все чаще над танцорей гудели са-

полеты и игры и фантастические. Всегда где-то болели. Было страшно. Но уже не было той нервной лихорадки, как в первую ночь. Конечно, страх оставался, но роко и послание выжило, сократилось детей.

Мы с утра с детьми, после завтрака, уходили подальше от станций, где было много деревьев и кукурузника.

Уходили в одежде, едой, питьем, игрушками. Дети играли, развлекались. Но если до их круга делался шум самолета, дети собирались около меня, прятались в кусты, натягивали на свои головки одеяло, ручонками закрывали глаза. Закрывают глаза — страха нет. Натянут на голову одеяло — страха нет. Только бы спрятать голову. Головка в кустах, а носик наружу.

К концу подошла первая неделя нашего пребывания в Боровенке.

За неделю дети уехали. Частично и мы, взрослые. Мы, старшие, боялись, чтобы дети не заболели. А заболеть можно. Если ребенок заболел, что будет дальше тогда. Мамы и папы. Чего тогда. Тогда, что мы-таки нас из Боровенки вывезут. Куда? Куда угодно! Мне бы там было лучше.

Нашими главными вещами были те пеленки-матры, которые краем нас, прижали на свои руки из вагона наших ленинградских детей на станции.

У каждого малыша был сразу у нескольких мамочек была такая тетя-мама. Они её держали, бегали навстречу, тянули ручки, обнимали.

малы за шю. Женщины обдаривали
детей ветчинками, мафли их, отла-
кивали.

Митям горюха толее не прохо-
димо шю, спрашивало, что малы надр-
чал они могут помочь.

Продукты у нас были еще ленин-
градские. Дети были сыты и здоро-
вы. На кухне у нас была женщина,
на, душая, из мешных. Память её не
сохраняла.

Заведующая свой день начинала с по-
хода к партийному мешному началь-
ству с просьбой, требованьем увезти нас
из Боровенки.

VIII

Визит Прошановленас правителю-
ства, в котором черным по белому он
прописано, что родители могут эвакуи-
роваться из Ленинграда вместе с детьми.

Всю неделю тому назад дети два-

куировались из Ленинграда одни, без
родителей, со школами, детскими дома-
ми. Арресо, куда вывозили детей,
не было у родителей.

Знал ли в Ленинграде кто-нибудь,
что их детский дом в Боровенке?
Наверно, знал. Женщина заведующая,
многого женщина средних лет, была
очень ответственная и серьезная.

И поехали из Ленинграда малы
некие своих эвакуированных детей
по дорогам Новгородской земли.

Выходили мамы и на станцию
Боровенка, подходили к нашему дет-
скому дому, спрашивало, нет ли у нас
их сына или дочери. Узнавали, что
их ребенка нет, или дальше, куда
они указывали прохождение.

Надо было видеть лица матерей,
когда на их войное они слышали:
«Нет! У нас нет вашего ребенка!»

И пойдешь эта мама дальше, спра-
шивая у всех, кто попадается ей по
пути, есть ли где поблизости дешевой
дом с электрифицированными Ленинградски-
ми детьми.

Взрослые, да еще самые элементарные бы-
товые условия в нашей общинной оче-
редности. Вода из колодца, мазь,
ведро, кружка. Не улича у входной
двери был прибор ручного насоса. Ме-
дичинское обслуживание отсутствовало.

Один раз мыла детей в деревянной
бане, которая стояла на берегу той
самой извилистой реки, недалеко
от того самого железнодорожного мос-
та, который нынче багрово.

А мы в этой бане мыли детей.
Смогла жарить детей надр блага миссии.
И мы мыли, рискуя своей жизнью.

Молитвенно. Один мыл ребенка,
другой кричал ребенку вымытого,

тренинг готовил ребенка к мытью.
Все это делалось быстро. Торопи-
лись унести до воздушной тревоги.

А заведующая дала свой материал
с похода к партизанам нахальству.

И Тихоня. наша заведующая.
На некое второй неделе заведующая
Тихоня от нахальства с благо-
вещием: нас дала увезут из Гро-
вника. Куда? Не сказала. Не знала
сама.

Наконец-то ели решалось сер-
ьно вопрос на высшем партийном
и хозяйственном уровне: что делать
с нахальством, куда их деть.

Мы ели и собирались. Масса
мелкого блага, одежды. Все надр было
разобрано, упаковано, свезено.

В работе, хлопотам дня пролетали
быстро.

Имена и фамилии детей я знала, но бирочки не стала в шен ребенка. Была причина. Боялась. Вдруг ребенок, трелелетка, ошетакает, а говорим много. Как тогда узнать его имя, фамилию?

IX

Наконец настал день, когда к станции Боровенка подошли эшелоны. Для детского дома в середине вагона на отдалении товарный вагон с нами. У нас все было готово к отъезду.

И снова пришла к нам на помощь доброе боровенское население. Они проводили наших детей. По вагонам малышек несли на руках. Старших детей или сами, держась за руки.

Вещи взяли на подводах. Младших малышей нам устроились

в вагоны, раскладки мешков на нарах. Надо было устроить детей на ночь.

Мы опять ехали в ночь. Но куда мы ехали? Все не знали.

Потом только в вагоне заведующая сказала, что мы возвращаемся домой, в Ленинград. Мы это приняли за шутку.

Зачем надо было выводить малышей из Ленинграда, чтобы дать их родителям в Ленинград.

Весь народ, да и я лично, были уверены, что вот-вот наша Красная Армия погонит фашистов с нашей земли и Ленинграду ничего не угрожает.

Тогда мы просили Маму Витеру, окопавшаяся поверила в то, что нас возвращают домой в Ленинград. Эшелон шел, ошетакавшие на переломе

Никаких происшествий во время следования нашего эшелона по Новороссийской линии в сторону Ленинграда не было.

На зорьке, когда дети спали, эшелон остановился. В дверь вагона громко застукали: "Просыпайтесь! Выгружайтесь!"

Кто-то из нас спросил: "Куда идем?" — "В Ленинград!" — услышали мы в ответ.

Нам открыли двери вагона.

Ветером елонышко. Утренний морозец торчался в вагон и светилось обилие спящих детей.

К вагону подошло несколько железнодорожников. И мы начали выгружаться. Они принимали детские посылки, расстилали их здесь же у вагона на землю. Из наших рук принимали спящих детей и укладывали на разостланные посылки.

Ленинград стал. Нбо было все в Агросемах.

Скоро за нами приехала автобусы, забрала детей и отвезла на каютах м. Тихомана.

Надвиг из родимости, кино пришла за своим ребенком, был маленький рад, что ему не было дела по до вшей, ни до востановления. Было одно такое желание: быстрее унести ребенка с плаз, чтобы его не отняли.

Когда моих детей разобрали родимая, я была свободна. Я тогда поехала домой на ул. Вичного, дом 5, кв. 50, где ждала меня моя мама.

Когда мы с ней встретились, она сказала: "Я думала, что мы с тобой больше никогда не встретимся."

Но зато мы были. Отрадно так.

Мы с ней больше никогда не рас-
ставались. Впереди у нас была вой-
на, через которую мы с ней прошли
вместе.

Леве Горюхи я продолжа-
ла числится за Ленинградом, медаль
нового направления. И новое направле-
ние не заставило долго медаль.

Но в первой половине августа 41 го-
да у меня еще был Ленинград, и я да-
же была работником.

✱

Почему я после многих лет
окончания войны решила рассказать
свою правду о моей войне из исто-
рии Ленинграда первых дней войны.

Под конец жизни, а у меня конец
жизни, каждый человек разгребает за-
валы своей памяти, и раздает
долг. Вот сейчас я это и делаю:

разгребать завалы своей памяти и
раздаю долг.

Считаю: Горюха в жизни своей
комбината или. Тамбачане есть мой
долг, который я пишу отсюда
истории 20 века.

1941 — 1988 год.

Перепечатано 13.02.98г.

Пятница.

г. Москва.

Р.С. У меня есть еще перед Ле-
нинградом долг. Это Предупреждение
Ленинград.

Я даю тебе этот долг того
откуда истории 20 века.

Но через кого? Кто возьмешь
на себя труд прочитать и сохранить? А дол-
го думать: всего в несколько дней обзоре.
Но каких дней из истории Ленинграда! А.Б.

Ленинград.

Распределитель.

Первая половина августа 1941 года.

Я была свидетелем и участником событий, которые имели место в Ленинграде в августе 1941 года, после моего возвращения из эвакуации с детьми детского дома колхозника им. Ткаченко.

Передо мной удостоверение, выданное 30 июля 1941 года на имя Егоренковой Ольги Ивановны в том, что она действительно работала в 30/III-41 года в Распределителе Ленинград будничной.

Это удостоверение принадлежало моей маме.

После возвращения из Гжоровки в Ленинград я пошла работать в Распре-

дочку сестры хозяйки.

Распределитель Ленгрос находился на улице Вильного, д. 4, кор. 9.

Эта территория разбита Рот-Фронт.

Здесь же, на территории, находились Дома престарелых, инвалидов. Рядом корпус 9 - женская военная часть.

В эти дни в городе Ленинград шатались от бродяг, нищих, калеков, слепых, больных. По улицам через дворничков и дворничихи шло много портфелей брошенных, оставленных, забытых стариков, инвалидов, солдат и летчиков, при отъезде в эвакуацию.

Всех найденных, выявленных, подобранных доставляли в Распределитель Ленгрос. Там женщины занимались мытьем и дружили добровольцев.

Их кормили, обихаживали, ели с ними на них доверенные и распределяли по Домам престарелых и инвалидов.

Работы было много. Распределитель работал круглые сутки.

В эти дни Ленинградское "ДНО" будто вытеснило наружу все нечеловеческие пороки, скопившиеся за долгие годы. Одних только слепых было в городе тысяча - тысяча.

Еще с революцией. Они гадали на улицах, рынках по своим книгам, зарабатывали на жизнь.

Много было забытых стариков по квартирам. Уезжая в эвакуацию, их часто оставляли в квартирах на произвол судьбы.

Так была оставлена одной еврейской сестрой юная девушка. Она пришла в Ленинград к сестре учиться из белорусского местечка. И в первый же день попала под трамвай и лишилась двух ног.

К родственникам не возвращается. Жила

у есирь, научилась ходить по
калинам при помощи тубареток, была
хозяйеша, смотрела за детьми.

Почему я запомнила этот вы-
ход? Я была везицана её Красной,
применяла её судьбой, везицана её есирью.

С Финской войны крепко много
малодых парней попали. Финны при-
меняли газ. Военная голова. Пожа-
бовалась отравля.

В один из дней в Райпределителе
доставило несколько человек таких але-
пых парней. Старше казники, где
на них тлакали.

Красивые высокие парни казались
беспомощными бывшими детьми, еле-еле
ущакали, которые лежали в разные сто-
роны, казались на препятствие,
падали, ударяясь. Их преследовали враги
ходили, сирак дороги, сирак двоясь, про-
сиранишь.

А кто-то же из этих парней
на финскую войну ушел из Южн-
аа добровольцем.

Вот этих беспомощных воевших
парней мне пришлось сопровождать
на речном пароходе из Ленинграда
в Ладогу, где находился Дом инвалидов.

Путь был трудным и долгим. В
какие стояли по бокам скамейки. Не
было перил, не за что было держаться,
ухватиться руками.

Пароход бросало из стороны в сто-
ру, особенно, когда шли по Волхову.
Мои вены жвакали за воздух,
падали. Страдали. Вмешив с тем
страдания и я.

В Ладогу мы пришли под вечер.
Пока я их довела до Дома инвалидов,
и еда на казавшва, ноготуши векер.

Директор Дома инвалидов оставил
меня ночевать, говоря, что ночью ходили
опасно. Ходили по дорожке, бывали неслучайно

82
спасителей. До Ватковского да-
леко идти. Но сказал, что будет
ближе, если идти берегом Волкова.

И я пошла. Пошла в ночь. Имя,
вернее бегство. Бегство берегом Волкова,
пробравшись через кушарник, прыгала
от покурлей, прыгала под окрестную
мало лодку на берегу. Но до станции
дошла. Ушла на поезд, идущий на
Ленинград. И оказалась одна. Взяла
бы билет. Всею ночь боялась ее сна,
боясь потерять документы-расписки
о приеме моих влиев в Волосинских.

Утром, когда вышла из вагона, уви-
дела на перроне полны людей. Провери-
ли документы при выходе в город. Город
был еще закрыт.

Я продолжала работать в Распре-
делителе. Была первая половина августа.

29
Но Ленинград, за который я
честно как убитый начальником пла-
сов, в середине августа вызвал меня
и видел кадрови вручил мне путевку
Наркомпроса, с фиксированным денежным
дополнением на дорогу в сумме 600
рублей и проездом до Иркутска, на
работу в Читинскую область.

Маме сообщила ехать со мной
в Сибирь. Мы с ней расстались с Рас-
пределителем и ехали собравшись в до-
рогу.

В Закопункте мы взяли кожаные
карточки, получили билеты на жд
во время пути и проездные билеты
на поезд. Поезд — это поезд, состояв-
ленный из оборудованных пассажирских ва-
гонов. Железнодорожник.

19 августа 1941 года мы выехали
из Ленинграда.

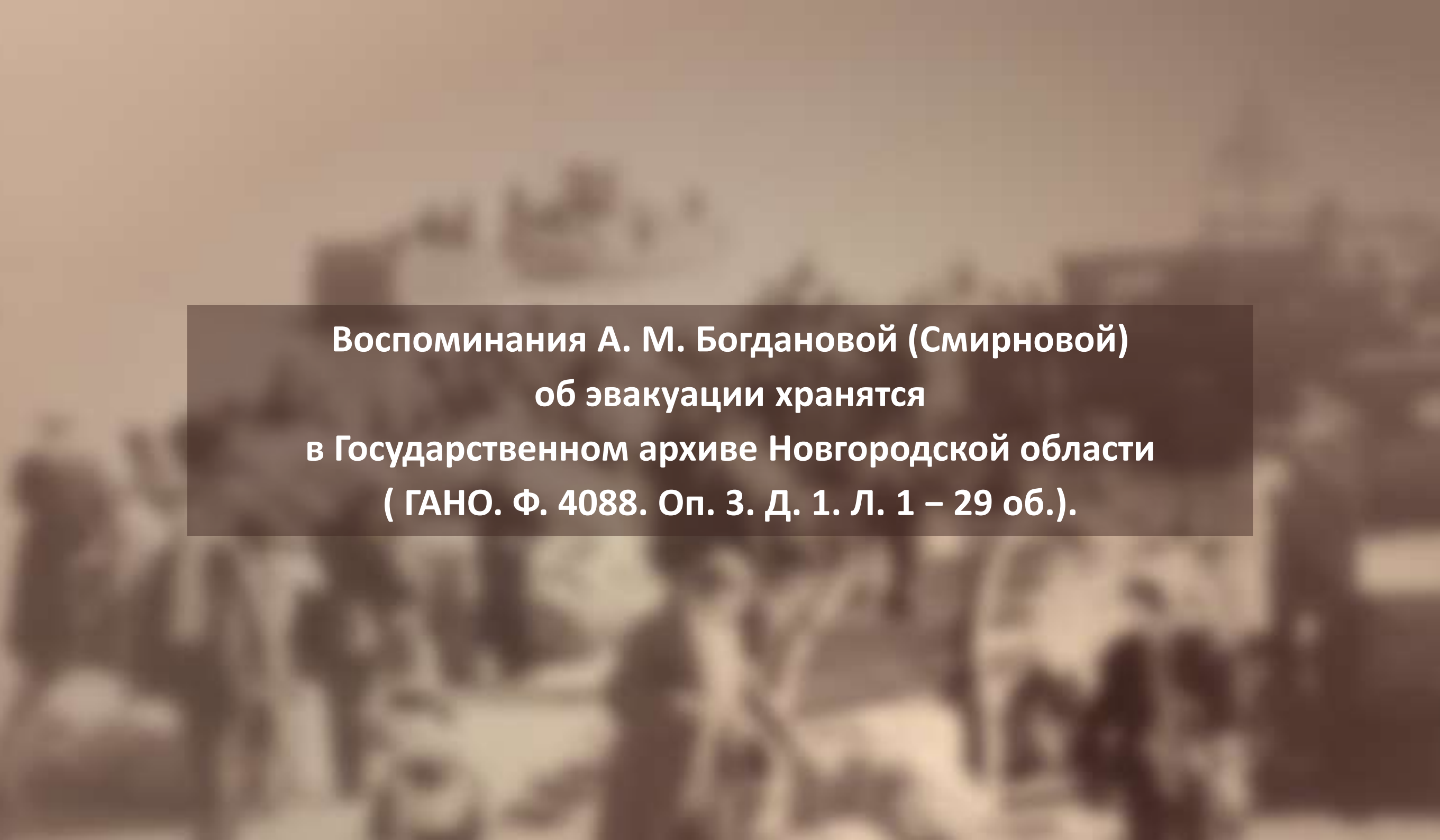
В дороге маме забавно. До Чи-
тинской области я не доехала. С Америкой

на мои войны в Иланске Красно-
ярского края.

С этого дня начиналась моя
новая суровая жизнь в войну,
но теперь уже в глубокой тишине.

В то время мне было 19 лет 5 мес-
цев 10 дней.

1998-2000, октябрь
г. Москва.

**Воспоминания А. М. Богдановой (Смирновой)
об эвакуации хранятся
в Государственном архиве Новгородской области
(ГАНО. Ф. 4088. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 – 29 об.).**